

района, перемежаясь с вышивками, резко отличающимися по узору, расцветке и технике шитья, и вновь встречается на большом расстоянии, в другом районе. Наряду с вышивкой красно-черной в основном расцветки в Кичевском районе вышивки женских рубаш отличаются полихромностью, с преобладанием желтого цвета (табл. XXXVI). Из Тетовского и Скопского районов в альбоме приведена полихромная вышивка красной, голубой, зеленой расцветки, с большим количеством золотых нитей (табл. IV, V, VII).

М. А. Попстефаниева считает разнообразие македонских вышивок только показателем творческого богатства. Кроме творческого богатства, думаю, следует указать и на другие причины: характер орнамента обычно отражает и этническую принадлежность общественной группы, у которой он бытует. Многообразие македонской орнаментики может служить одним из признаков племенного многообразия населения Македонии.

Определить племенную принадлежность населения Македонии очень трудно. Много лет она была яблоком раздора между Болгарией и Сербией. Болгары считали Македонию неотъемлемой частью Болгарии, искусственно от нее отторгнутой. Многие видные болгарские общественные деятели и ученые, родом сами из Македонии, считали, что население ее должно быть отнесено к болгарам. Талантливый лингвист Дм. Матов, македонец родом, посвятил много работ в конце XIX в. македонскому вопросу, доказывая при помощи лингвистических данных, что македонские говоры принадлежат к болгарскому языку. Проф. Ив. Шишманов присоединился к нему. Болгарские этнографы, рассматривая женскую одежду болгар, считают, что македонская одежда сохраняет более древние формы болгарской одежды⁶. С другой стороны, сербские ученые рассматривают Македонию как район древней Сербии. Города Македонии упоминаются в эпосе о Крале Марко, бытующем у болгар и у сербов. Несомненно, что население ее нельзя рассматривать как однородное: по самому географическому положению Македонии там сталкивались, оседали и смешивались различные этнические группы. Это многообразие этнических элементов, из которых складывался македонский народ, нашло свое отражение в его орнаментике, и детальное изучение ее важно для разработки сложных вопросов этногенеза македонцев.

Во втором разделе вводного текста автор очень подробно останавливается на самой технике вышивки. Такое описание имеет не только практическое значение для воспроизведения мотивов народного орнамента, но и большое научное значение, так как традиция приемов вышивки очень устойчива и это может помочь при изучении древних культурных связей населения. Подлинно научное описание материала придает большую ценность работе М. А. Попстефаниевой.

Н. И. Гаген-Торн

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

James H. D. Belgrave. *Welcome to Bahrain*, Stourbridge, 1954, 164 стр.

Рецензируемая книга — второе издание путеводителя по Бахрейну, принадлежащего перу англичанина Джеймса Белгрейва, родившегося и воспитывавшегося в этом британском протекторате. По-видимому, Джеймс Белгрейв — сын британского советника сэра Чарлза Белгрейва, который в течение тридцати лет беспрерывно «направлял» внешнюю и внутреннюю политику бахрейнского шейха. Характерный штрих: правитель Бахрейна Сулейман ибн Хамид аль-Халифа в своем одобрительном предисловии к рецензируемой книге именует автора не Джеймсом, а Хамидом. Мы не знаем, последовал ли Дж. Белгрейв примеру других английских колониальных деятелей — перешел ли он, подобно «Абдаллаху» Филби, в мусульманство, завел ли, подобно Глабб-«паше», традиционный гарем. Однако известно, что ассимиляционные ухищрения не помогли и здесь: в августе 1956 г. отец «Хамида» сэр Чарлз Белгрейв под давлением народных масс страны вынужден был оставить пост советника и уйти в отставку.

Путеводитель представляет определенную справочную ценность. Ни в советской, ни в зарубежной арабоведческой литературе нет ни одной публикации, которая да

праздникам и даже почтовым маркам. Во второй части («История Бахрейнских островов») излагаются основные моменты истории страны, начиная ассиро-вавилонским периодом и кончая приходом к власти нынешнего шейха — Сулеймана аль-Халифа. В третьей («Вокруг Бахрейна») — дается описание отдельных островов, местностей и городов архипелага; в четвертой («Полезные сведения») — содержатся данные туристического характера (в том числе о кинотеатрах, клубах, спорте, медицинском обслуживании, календаре и т. д.). Книга снабжена библиографией основных работ о Бахрейне, крупномасштабной картой и фотоиллюстрациями.

Специальный этнографический интерес представляют вторая, шестая и седьмая главы первой части, а также часть третья, где имеются данные об этническом составе населения и его религиозной принадлежности, об одежде, жилище и традиционных хозяйственных занятиях: ловле жемчуга, рыболовстве, земледелии, ремеслах.

Но в целом работа, подчеркиваем еще раз, имеет только справочную ценность. Более того, пользование материалами Белгрейва требует сугубой осторожности. Они насквозь тенденциозны, а местами даже носят откровенно фальсификаторский характер.

Книга открывается словами: «Бахрейн — независимое арабское государство, управляемое Его Высочеством шейхом Сулейманом ибн Хамид аль-Халифа» (стр. 25). Бахрейн «находится в договорных отношениях с британским правительством» и управляется шейхом «с помощью арабских и британских чиновников» (стр. 32). Так характеризует автор режим протектората и в частности подписанные в 1880 и 1892 гг. бахрейнским шейхом Исой аль-Халифа под жерлами английских пушек «соглашения», в соответствии с которыми княжество обязывалось не вступать в дипломатические отношения ни с кем, кроме Англии. Дж. Белгрейву лучше чем кому бы то ни было известно, что эти «соглашения» действуют до настоящего времени.

«О Бахрейне», — говорит автор, — часто пишут как о стране контрастов, и это особенно справедливо в отношении его обитателей, так как на этой маленькой группе островов, всего лишь точке на мировой карте, насчитывается 109650 жителей (перпись 1950 г.), представляющих 30 народов мира» (стр. 29). Что это за «тридцать народов»? Из 110 тыс. жителей Бахрейнских островов около 7 тыс. персов, около 3 тыс. индийцев, около 3,5 тыс. европейцев, американцев и почти 96 с лишним тыс., т. е. 81% населения, составляют арабы. Бахрейн, таким образом, является довольно однородным в национальном отношении государством, несравненно более однородным, чем, например, Афганистан, Иран или даже Ирак. Но английские колонизаторы Бахрейнских островов давно уже пытаются мотивировать необходимость своего контроля над этим арабским княжеством якобы существующей здесь национальной пестротой¹. Согласно официальному взгляду англичане выступают в роли арбитра, пытающегося примирить национальные противоречия на Бахрейне; на деле английские власти подерживают и раздувают старинную вражду между различными группами населения, прежде всего между потомками древнейших сельников островов — оседлыми арабами бахарина (шиитами по религиозной принадлежности) и пришедшими сюда позднее арабскими кочевыми племенами (по религии сунниты). Спровоцированные властями столкновения между ними имели место в самое последнее время: в 1940-х и 1950-х гг. Вот почему шииты-бахарина и суннитские племена в английских официальных публикациях, как правило, рассматриваются в качестве двух различных народностей; Белгрейв, кроме того, выделяет в качестве самостоятельных народностей арабов саудовских и оманско-маскатских (стр. 29). Если в добавление к этому разделить индийцев на собственно индийцев, пакистанцев и гоанцев, а двухтысячное европейско-американское население на англичан, французов, голландцев, канадцев, бразильцев и т. д., то Бахрейнские острова действительно окажутся населенными «тридцатью народами», среди которых спрячется «слон» — основное арабское население.

Рассказывая о нефтяной промышленности Бахрейна и деятельности американской «Бахрейн петролеум компании» (БАРКО), автор пишет: «Имеет место сердечное сотрудничество между правительством Бахрейна и БАРКО во

пешей никаких изменений, редко кто из ловцов уже в молодости не страдает глазными и ушными болезнями, ревматизмом и самой страшной профессиональной болезнью ныряльщиков — кессонной болезнью. Газы, обычно азот, растворившись в крови при повышенном давлении, при понижении давления бурно выделяются пузырьками, закупоривающими и разрывающими кровеносные сосуды. Но Белгрейв знает, что все эти факты получили широкую известность, и поэтому считает нужным заметить: «Разрушительное действие ныряния на здоровье людей часто преувеличивается, и при улучшенном питании и медицинском обслуживании ныряльщики теперь достаточно здоровы и даже выигрывают сравнительно с рабочими других отраслей промышленности» (стр. 50).

Нет нужды продолжать этот перечень. Даже те немногие выдержки, которые приведены выше, говорят о целях Белгрейва: не только создать первый путеводитель и справочник по Бахрейну, но и убедить читателя в политическом и экономическом процветании протектората, в том, что «в датском королевстве все спокойно».

Однако факты говорят о другом. В марте 1956 г. на нефтепромыслах Бахрейна прошла первая массовая забастовка. После героической недельной борьбы местные нефтяники добились от администрации компании удовлетворения своих требований о пересмотре трудового законодательства и, в частности, положения о штрафах. В ноябре того же года, когда весь Арабский Восток в единодушном порыве поднялся против англо-франко-израильской агрессии в Египте, бахрейнские нефтяники подняли восстание против английских колонизаторов страны. Лишь перебросив десантные части из других гарнизонов Аравии, британские власти подавили народное возмущение на Бахрейне.

Все это ясно показывает, что дни империалистического владычества сочтены и в Бахрейнском протекторате.

А. Першиц

Мохаммед-Таги Дамгани. *Положение иранских зороастрийцев (Ахвале шах-сийе зардоштиане Иран)*, Тегеран, 1955, на персидском языке, 92 стр.

Гебры (парсы) — последователи древнеиранской зороастрийской религии, поэтому часто их называют зороастрийцами. В настоящее время в Иране их насчитывается около 10 тыс. человек. В VII—XII вв. (после арабского завоевания) значительное число гебров переселилось из Ирана в Индию, где их именуют парсами.

Гебры отличаются от остального населения Ирана не только религией: сохранив древний зороастрийский культ, они сохранили по сей день и свои особые черты как в культуре, так и в быту. Тем не менее до сих пор нет ни одной работы, посвященной этнографическому описанию современных гебров. Поэтому каждая, хотя бы небольшая, работа, в той или иной мере касающаяся этнографических особенностей гебров, заслуживает внимания этнографа вообще, и в частности ираниста. Это относится и к рецензируемой книге.

В работе «Положение иранских зороастрийцев» автор акцентирует внимание читателя особенно на семейном праве гебров. Это вполне объяснимо. Напомним, что в вопросах брака, развода, наследственного права в Иране действуют не только законы гражданского права «Кануне Мадани», но и законы шариата, у гебров же сохранились свои, зороастрийские законы.

Сосредоточив внимание на вопросах семейного права, автор много места уделил описанию семейного быта гебров: брака, его условий и оформления, сватовства, обручения, развода. В книге рассматриваются также такие вопросы, как права и обязанности родственников, категории родственников, наследственное право мужчины и женщины, усыновление и так далее.

Многие из сообщаемых автором сведений являются для читателя новыми, дающими неплохой фактический материал для изучения обычного права гебров в современном Иране. Это особенно касается разделов о браке, разводе, наследственном праве.

Этнографическое освещение автором тех или иных сторон семейного быта гебров в ряде случаев не свободно от недостатков. Из работы читатель не узнает о многих существенных деталях, относящихся к процессу оформления брака, раз